

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. Шушарин. Табак и Порох	/	7
"Красная табачница"	/	13
О песне "Морской ястреб"	/	16
Табачный ранжир	/	21
Из писем бойцов	/	22
И. Бражнин. Трубка	/	38
Из фронтовых дневников и писем	/	46
В. Александров. Портсигар	/	50
Из истории махорки	/	60
"Давай закурим!.."	/	76
Е. Долматовский. Трубка (отрывок)	/	83
И. Сафронов. За фронтом – тоже фронт	/	102
И. Островерхов. Фронтная зажигалка	/	118
Послесловие	/	143

100 ГРАММ

100 ГРАММ

**ТАБАК курительный
желтый**

высший сорт

ГОСТ 858-41 ВЫШЕ-СРЕДНИЙ

ПРОДАЖА ПО ЦЕНЕ ВЫШЕ ЧЕМ ОБОЗНАЧЕННАЯ
КАРАЕТСЯ ПО ЗАКОНУ

ГОС ТАБ. ФАБР
ТАШКЕНТ

УССР
ПАРКОМПИЩЕПРОМ
ГЛАВТАБАН
КУРИТЕЛЬНЫЙ ТАБАН
НАША АТАКА
ВЫСШИЙ СОРТ Б
100 гр 16 р

при 15% влажности

при 15% влажности

ТАБАК И ПОРОХ

Порох и табак. На первый взгляд, между этими словами не существует даже намек на тождественность. Вот только... Оно ведь по-всякому повернуть можно. Например, происхождение слова «табак», хотя доподлинно и не установлено, по одной из версий восходит к иранскому «таббах», обозначающему «дрянь». А что в нашем мире может быть дряннее пропахшей порохом войны? И что есть в народном понимании «война», как ни расхожее, лаконично-емкое «дело — табак»?

Или вот другой поворот: курение — привычка, безусловно, пагубная. От глагола «губить». Но «губить» еще не подразумевает однозначного «убить». А вот в случае с войной иных трактовок не предусмотрено. Война изначально заточена на смерть. Вот и приходит поневоле на память классическое ницшеанское: «Все, что нас не убивает — делает нас сильнее». Отсюда парадоксальный, пускай и с натяжкой, вопрос-вывод: выходит, табак на всех войнах, вплоть до новейшего времени, делал человека, пусть хоть в чем-то, но сильнее? Собственно, попытке распознавания этого феномена, до известной степени, и посвящены наши усилия, хотя внешне (через предметы, фотографии, письменные свидетельства) проект и выстроен в достаточно традиционных поисках и фиксации т. н. «ушедшей натуры».

У войны, так же как и у получаемых на ней медалях, обязательно имеется обратная сторона. Сторона эта — бытовая. Выражаясь высокопарно, субъектом Войны является Народ. Но всякий Народ состоит из Людей-Человеков, каждому из которых ничто человеческое не чуждо. А потому будь ты хоть многожды закаленным матерым профессионалом или чудо-богатырем — тебе все одно не обойтись без сна, без воды, без пищи. Помните не нами и не вчера придуманное «война войной — обед по распорядку»? Это нехитрое правило всегда было в чести у любого солдата любой армии. А после обеда самое главное что? Правильно, покурить. И, что бы там ни говорили о вреде здоровью, табак не-

изменно входил в рационы солдат всех армий мира, и некурящих на войне всегда было крайне мало. Ибо в «доме повешенного о веревке не говорят». В том смысле: какое уж тут здоровье, когда лишь единицы умирали во время войны своей, естественной смертью? Солдаты, матросы, летчики, ежечасно бывшие под приглядом Старухи с Косой, могли себе позволить не обращать внимание на такой в сущности пустяк, как вред от курения. Потому как: вон и сырую воду в незнакомой местности методически — предписано кипятить. Вот только... Рассказать-ка об этом умиравшим от жажды защитникам Брестской крепости и Одессы!

И что еще интересно: по воспоминаниям многих ветеранов, на фронте голодуху переносить им было куда легче, нежели отсутствие хоть какого-либо курева. Вплоть до того, что в ход шла даже опавшая сухая листва, когда становилось совсем невмоготу.

...Мы шли кустами, шли стерней:
В канавке где-нибудь
Ловили воду пятерней,
Чтоб горло обмануть,
О пище что же говорить, —
Не главная беда.
Но как хотелось нам курить!
Курить — вот это да...
Где разжигались огнем,
Мы лист ольховый жгли,
Как в детстве, где-нибудь в ночном,
Когда коней пасли...

(«Баллада о товарище», А. Т. Твардовский)

А вот это — оно откуда? Неужели всего лишь банальное «привычка — вторая натура»? (А «дурная привычка — натура первая»?) Нам все-таки кажется, что в случае с русским человеком, с русским воинством все несколько сложнее. Здесь мы с пресловутым Западом, что

называется, расходимся в подходах. Нет, конечно, сугубо утилитарные свойства табака, они интернациональны: доза никотина помогает снимать стресс, успокаивает нервы («перекурил — на душе полегчало»), заглушает чувство голода, создает, пускай недолгое, ощущение тепла. Папироса (сигарета) является важным отвлекающим фактором: переключение сознания на нее помогает отодвинуть неприятные мысли, временно прервать тяжелую работу (перекур)... В этом смысле табак действовал абсолютно одинаково — что на советского бойца, что на гитлеровца, что на «второй фронт». И все же была (и есть) у нас, у русских, своя, непосредственно связанная с табаком «военная тайна». Та, от которой русскому — хорошо. Ну а немцу... известно что.

Начать с того, что сам процесс курения в России порой наполнен едва ли не сакральным смыслом. Неслучайно в русском языке так много связанных с табаком поговорок и устойчивых выражений. Табак и обязательный атрибут удавшейся жизни («сыт, пьян и нос в табаке»), и показатель статусности («не по носу табак»), и даже мерило человеческой жизни («пропал ни за понюшку табака»). А что есть знаменитое «покурим на дорожку» — как не самый натуральный, сродни языческому, ритуал? Которого впоследствии не чурались даже атеисты-космонавты («Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом...»). Да что там говорить, если даже обыденный привал в походе без перекура — и не привал вовсе...

А уже упоминавшееся «дело — табак»? Звучит достаточно забавно, но оказывается у французов в языке с некоторых пор существует глагол *tabasser* (табассэ) означающий «поколотить», а у французских военных под словом *tabac* (таба) подразумевается «бой», «дело», что отчасти сродни нашему, не требующему пояснений выражению «было дело под Полтавой». К слову, можно долго, во всех подробностях описывать своему товарищу обстоятельства последнего боя. А можно было просто ограничиться лаконичным и всеобъемлющим: «В общем, дали фрицу прикурить!». Вот вам нагляднейший пример того, как пересекаются Табак и Порох.

А взять такой, пограничный между жизнью и смертью момент, как приготовление к казни! Как со временем древних цивилизаций повелось, так и до наших дней в ряде западных стран дожили и существует обычай щедро кормить осужденных на смерть. Завтрак перед казнью, составленный согласно гастрономическим предпочтениям приговоренного, считался своего рода символическим актом, преследующим цель заручиться прощением осужденного по отношению к палачу и судьям. А что у нас? Если верить многочисленным книгам, фильмам и воспоминаниям очевидцев, в России перед смертью не кормили (все одно «не в коня корм»), а просто давали закурить. Отсюда еще один, более широкого смысла русский ритуал — «покурить перед смертью».

«— ...Эх, черная галка, сизая полянка, — сказал Сергей Сергеевич, положив ему руку на спину, — это же чистый идеализм, Ванька, пялить глаза на картинки... Махорочки свернем? В госпитале украл пачку, берегу — покурить перед смертью...

Он, как всегда, говорил насмешливо, хотя в горьких морщинках у рта, в несвежих глазах затаилась тоска. Свернули, закурили: Телегин — не затягиваясь, Сапожков — вдыхая дым со всхлипом.

— Ты что похоронную-то запел? — спросил Телегин.

— Смерти стал бояться... Пули в голову боюсь; в другое место — не убьет, а в голову боюсь. Голова — не мишень, для другого сделана. Мыслей своих жалко...»
(«Хождение по мукам», А.Н. Толстой).

Обратившись к истории вопроса, сегодня можно найти немало специальной литературы, рассказывающей о том, как в 1930–40-е годы нацистская Германия проводила крупномасштабную кампанию, целью которой было заставить немцев отказаться от курения. Бросившему дымить еще в молодости Адольфу Гитлеру приписывается фраза: «Табак — это месь краснокоржих белому человеку». Что ж, проводя известные аналогии, на сей пассаж можно ответить так: «Если Гитлер против краснокоржих, то мы — за!». Кстати сказать, в России всегда с особым чувством относились к индейцам: ими восхищались, им сопереживали, в них играли (здесь — как на детских, так и на съемочных площадках). А книгами Фенимора Купера, Майн Рида и иже с ними зачитывались в прямом смысле до дыр — как до Революции (вспомнить хотя бы героев чеховского рассказа «Мальчики»), так и в советское время. В самих Соединенных Штатах такого успеха у подобной литературы и близко не было...

«Праздником были случаи, когда кто-то из курсантов получал от домашних посылку с папиросами. Тогда каждую папиросу курили по очереди 10–12 человек! А самым ценным подарком за усердие в службе была пачка махорки» — такими словами о своем пребывании в командном училище на Дальнем Востоке зимой 1941–42 годов вспоминает фронтовик-офицер Александр Палицын. И разве описанное не напоминает знаменитый индейский ритуал — коллективное, по кругу, выкуривание умиротворяющей «трубки мира»?

Ну да — шутки в сторону. Конечно, краснокоржие здесь ни при чем. Просто отнюдь не секрет, что совместное курение существенно облегчает контакт между людьми, является хорошим предлогом для знакомства. Это ведь только знаменитые «наркомовские сто грамм» предназначались исключительно для индивидуального пользования. А вот курево — совсем другое дело. Расхожая жлобская поговорка «Дружба дружбой — а табачок врозь» на фронтах исторически не прижилась.

«...Соколов ответил, что не торопится, а перекурить охота. В одиночестве курить скучно. Увидев разложен-

ные для просушки сигареты, он угостил рассказчика собственным табаком. Закурили они, разговорились».

(«Судьба человека», М.А. Шолохов)

И наконец, еще один немаловажный момент. Германский солдат, особенно в первые годы войны, уходил на фронт полностью экипированным, что называется «от и до». От обязательного рейнджерского набора до совершенно невообразимых тогдашнему советскому человеку, выражаясь современным сленгом, гаджетов. Таких, к примеру, как туалетная бумага, презервативы и, в общем-то неуставные, но тем не менее казенные портсигары. В этом была сила немцев, но и одновременно, их слабость. Потому как еще по итогам Первой Мировой многие исследователи отмечали слабую приспособленность солдат развитых мировых держав в первую

очередь именно к мелким, бытовым неудобствам войны. Вот как раз немецкий солдат, лишний раз перестраховываясь, в отличие от русского, не стал бы пить некипяченую воду. И скорей бы умер от нестерпимого желания курить, нежели взялся мастерить, по примеру нашего бойца, самокрутку, набитую сухой травой.

Нашим солдатам портсигары, понятное дело, не выдавались. Но у каждого мало-мальски уважающего себя курильщика (а таких, напомним, на войне было подавляющее большинство) они имелись. «Табак и порох следует держать сухими» — эта солдатская заповедь дошла до нас с незапамятных времен. Посему в залитых водой окопах, при форсировании водных преград, в ходе длительных рейдов по болотистой местности без портсигара — никуда и никак.

...Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки —
Козью ножку завернуть;
И ни спичек, ни махорки —
Все раскисло от воды.
— Согласись, Василий Теркин,
Хуже нет уже беды?..

(«Василий Теркин», А. Т. Твардовский)

По этой причине специалисты по изготовлению «стратегически важных» портсигаров (без тени иронии; сам президент США Рузвельт в ту пору называл табак «стратегическим сырьем»!) на фронтах ценились особо.

Казалось бы нет ничего сложного в том, чтобы согнуть из подручных материалов коробочку и прикре-

пить к ней крышку — конструкция портсигара проста до крайности и этим совершенна. Но, кроме бытового назначения (как это было у немцев), обязательным требованием к портсигару «нашему» выступала его... желательная индивидуальность — а способов украшения таких коробочек было известно великое множество. Солдаты-умельцы мастерили их вручную из шербатого металла, ухитряясь украшать рабочие поверхности вензелями из инициалов владельца, изображением атрибутов и сюжетов военной жизни, а также картинками и надписями «под заказ», отчего статус портсигара существенно возрастал. Он становился индивидуальной ценностью, предметом обмена, подарком. Причем, порою подарком официальным: наряду с именным оружием и часами, на фронте также награждали портсигарами.

Но, конечно, куда больше душевного тепла несли в себе кисеты, сшитые руками любимой подруги, или, напротив, неизвестной женщины из далекого тыла: искусные мастерицы вышивали на мешочке не только сердечки и цветочки, но и целые строки с пожеланием победы над врагом, слова ожидания встречи. А как трогательно выглядели не самой умелой рукой, но зато с огромной любовью сделанные кисеты, которые отправляли на фронт дети! Пожалуй, не было у бойцов ничего ценнее именно такого подарка! Но все же в полевых условиях портсигар был гораздо удобнее, практичнее.

Вот почему фронтовые портсигары являются визуальным стержнем этого альбома. Другое дело, что фотоизображение все равно зачастую не в состоянии

передать подлинную энергетику этих вещей. Не случайно собиратель коллекции, легшей в основу этого проекта, Михаил Сапего признается, что «очень трудно показать их людям в полной мере. Как?! Одно дело, когда ты держишь его в руках — вертишь, открываешь, разглядываешь подчас выцарапанные на крышке или по бокам корявые надписи и буквально физически ощущаешь, насколько это по-прежнему живая вещь. Что за этим портсигаром, сработанным безвестным солдатом Красной Армии, стоит жизнь человеческая».

*Игорь Шушарин
писатель, журналист*

